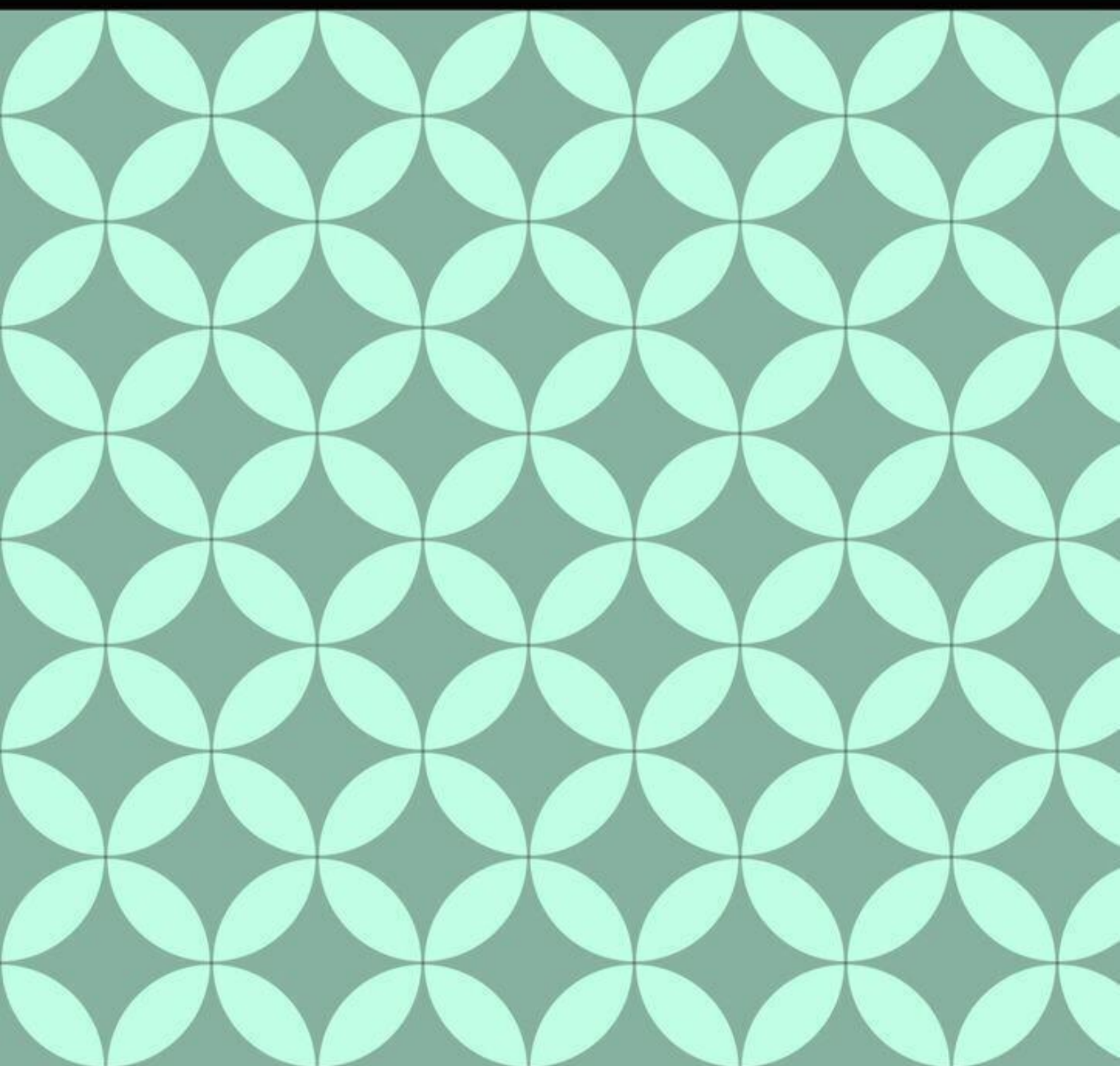

18+

АЛЕКСЕЙ ГРОТОВ

Тише, чем прежде

Алексей Готов

Тише, чем прежде

«Издательские решения»

Готов А.

Тише, чем прежде / А. Готов — «Издательские решения»,

Тринадцатилетняя Ника возвращается из летнего лагеря совсем другим человеком. Она молчит, не обнимает мать, а домашние животные начинают её бояться. Старший брат Дима чувствует неладное, но родители списывают всё на переходный возраст. Тревожные знаки множатся, а Ника всё глубже уходит в пугающую тишину. Психологический триллер о том, как травма превращает ребёнка в орудие чужой воли и как слепота близких может привести к непоправимому.

© Готов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Зелёные ворота	6
Глава 2. Звериное чутьё	10
Кошка	12
Пёс зарычал	14
— О чём?	16
Глава 3. Тишина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тише, чем прежде

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0070-0131-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Зелёные ворота

Автобус пахнет чужими ногами, жвачкой и кондиционером, который не спасает от июля. Ника сидит у окна уже три часа, но ни разу не повернула головы. Другие дети смеются, обмениваются номерами телефонов, плачут, обещают писать. Ника просто смотрит на мелькающие столбы.

Её руки лежат на коленях ровно, как две сложенные салфетки. В правой — засохшая царапина. Она получила её в последнюю ночь лагеря, но не помнит откуда. Или не хочет помнить.

Мать ждёт у зелёных ворот. Таких же, какими они были двадцать один день назад. Высокие, с ржавой калиткой, кусты сирени по бокам. Мать улыбается, машет рукой — пёстрый сарафан, пучок на макушке, пакет с булочкой и соком. «Никуся!» — кричит она так громко, что воробьи срываются с проводов.

Ника выходит из автобуса последней. Не бежит. Не улыбается в ответ. Идёт ровным шагом, глядя себе под ноги. Светлые волосы — длиннее, чем в мае, — падают на лицо. Она не заправляет их за ухо.

— Ты чего такая бледная? — мать обнимает её и чувствует, что дочь не обнимает в ответ. Просто стоит, как столб. — Устала? В лагере всё хорошо?

Ника кивает один раз. Резко, словно отрубает.

Мать замечает это, но тут же выбрасывает из головы. Ну конечно, устала. Дорога долгая, режим лагерный, дома выспится. Она протягивает сок. Ника берёт его, но не открывает.

Дом в пяти минутах ходьбы. Они идут по тропинке, и мать говорит без остановки — про цветы, про отца, про то, что Дима поступил на вышку, про кошку, которая опять принесладохлую мышь на крыльцо. Ника молчит. Каждый её шаг — упругий, бесшумный. Она идёт, как кошка, которая уже выследила добычу и не хочет спугнуть.

Когда они поворачивают к калитке, Ника останавливается в двух метрах. Смотрит на дом.

Обычная панельная девятиэтажка. Третий этаж, балкон с зелёным навесом, на подоконнике — герань. Родной запах: выхлопные газы с трассы, пироги из пекарни и чуть-чуть канализации из подвала. Ника стояла здесь сотни раз. Но сейчас она стоит слишком долго.

— Идём, — мать трогает её за плечо.

Ника дёргается. Резко. Так, будто прикосновение обожгло.

— Ты чего?

— Ничего, — голос глухой, без интонаций.

На лестнице темно. Лампочка перегорела ещё в прошлом месяце, и сосед сверху обещал вкрутить новую, но всё как-то не досуг. Ника идёт первой. Мать слышит её шаги — тяжёлые, хотя раньше дочь порхала.

Ключ поворачивается в замке. Дверь открывается.

Запах дома — жареный лук, влажная швабра, старый диван. Обычный запах. Но Ника замирает на пороге, как будто впервые здесь. Потом перешагивает — и в этот момент из коридора вылетает кошка.

Майя. Рыжая, толстая, с белым пятном на груди. Эта кошка всегда терлась о ноги, всегда лезла на колени, всегда орала по утрам, требуя корма. Она встречала Нику каждый день после школы, тёрлась о рюкзак и мурлыкала так громко, что было слышно в ванной.

Сейчас Майя садится в трёх метрах и смотрит. Глаза — жёлтые, вертикальные зрачки. Хвост дёргается. Потом кошка открывает пасть и шипит.

Не мяукает. Не мурлычет. Шипит — длинно, низко, как змея.

— Майя? — мать смеётся неуверенно. — Ты чего, дурочка?

Ника не смеётся. Она смотрит кошке в глаза, и через несколько секунд Майя опускает голову, прижимает уши и уползает за угол, волоча брюхо по полу. Так уползают побитые собаки.

Из кухни выходит отец. В домашних штанах, с газетой.

— Приехала наша бродяжка, — говорит он и пытается поцеловать в лоб. Ника отворачивается. Медленно, демонстративно. Отец хмурится, но решает не придирааться. — Проходи, ужин готов.

Ника проходит в свою комнату и закрывает дверь. Щёлкает замок — первый раз в жизни. Она не была здесь три недели, но всё лежит на своих местах: плюшевый заяц на подушке, книжка про фей на тумбочке, розовые шторы. Она садится на кровать и не двигается сорок минут. Просто сидит, смотрит в стену.

Мать стучится через полчаса. «Ника, иди есть». Молчание. Ещё через десять минут отец дёргает ручку. «Ты что там заперлась? Выходи». Молчание.

Дима приходит из спортзала в семь. Старший брат — семнадцать лет, плечи шире дверного проёма, на руке серая повязка из-за тендинита. Он слышит от матери: «Ника странная какая-то, в лагере её, наверное, обижали». Слышит от отца: «Переходный возраст, гормоны, пройдёт».

Дима не верит ни тому, ни другому.

Он подходит к комнате сестры, не стучит — просто встаёт у двери и слушает. Тишина. Не плач, не музыка в наушниках, не шелест страниц. Просто абсолютная тишина. Такая, как в море, когда вытаскивают ящик.

Дима опускается на корточки и заглядывает в замочную скважину.

Ника сидит на кровати, прямо, как кукла. В руках у неё старый, потрёпанный ежедневник — тот, который она вела в четвёртом классе. Она открывает его на середине, водит пальцем по строкам. Потом медленно, с каким-то странным спокойствием вырывает один лист. Сминает в комочек. Кладёт под подушку.

Дима отшатывается от двери. Не потому, что увидел что-то страшное. Просто ему показалось, что сестра на секунду подняла голову и посмотрела прямо на него.

Сквозь замочную скважину.

Сквозь дверь.

Сквозь три метра коридора.

И улыбнулась. Тонко, по-детски, но с такой пустотой в глазах, что Димону захотелось заорать.

Он не заорал. Он отошёл на кухню, выпил стакан воды и сказал отцу:

— С Никой что-то не так. Правда. Я видел.

Отец отложил газету ровно на секунду.

— Не выдумывай, — сказал он. — У неё просто переходный возраст.

За стеной тихо щёлкнул замок. Дверь в Никину комнату открылась.

Она вышла в коридор — тихая, светлая, в старых джинсах и майке с котёнком. Посмотрела на брата. Посмотрела на отца. И спросила голосом девочки, которой когда-то дарили мягкие игрушки:

— А где у нас ножи?

Воцарилась тишина. Мать поперхнулась чаем. Отец замер с ложкой в руке. Дима почувствовал, как холод бежит от затылка до копчика.

— Зачем тебе ножи, Ника? — спросил он очень тихо.

Ника наклонила голову набок — так делают птицы, когда разглядывают червяка.

— Картошку почистить, — сказала она. И улыбнулась той самой улыбкой — асимметричной, детской, пустой.

За её спиной, в темноте коридора, бесшумно проскользнула рыжая тень. Кошка Майя. Она забилась под сервант и завывала. Не мяукала — завывала, как собака, которая чует смерть.

Отец не услышал. Мать не услышала. Дима услышал.

Но он ничего не сказал.

Потому что Ника смотрела на него. И в её взгляде было обещание.

Тишина.

Конец первой главы.

Глава 2. Звериное чутьё

Ножи Нике не дали.

Отец хмыкнул, сказал «картошка уже почищена» и пододвинул тарелку с пюре. Мать положила ей котлету — самую большую, как всегда. Дима не спускал глаз с сестры, пока она садилась за стол.

Ника ела молча. Аккуратно отрезала кусочки вилкой — раньше она крошила еду и размазывала по тарелке, когда не нравилось. Сейчас каждый глоток был выверен, каждое движение — лишнее. Она не смотрела на родителей. Не смотрела на брата. Она смотрела в окно, где за сеткой от комаров догорал закат.

— Расскажи про лагерь, — попросила мать, чтобы разбить тишину.

Ника подняла глаза. Взгляд — стеклянный.

— Нечего рассказывать.

— Ну как же? Ты же звонила всего два раза. Друзья у тебя там появились? Вожатые? Конкурсы?

— Нет.

— А что тогда? Ты заболела?

— Не болела.

Мать отступила. Отец нахмурился и вмешался с набитым ртом:

— Ты с матерью нормально разговаривай. Не односложно.

Ника положила вилку. Тишина повисла такая плотная, что слышно было, как холодильник гудит на кухне. Дима замер, ожидая взрыва. Но Ника не взорвалась. Она медленно взяла стакан с компотом, отпила половину, поставила обратно.

— Спасибо за ужин, — сказала она, встала и ушла в свою комнату.

Отец переглянулся с матерью. Та пожала плечами: «видишь, вежливая». Дима видел другое — у неё дрожали пальцы, когда она брала стакан. Не от страха. От контроля.

Он убрал посуду и пошёл в коридор. Собака спала на своей лежанке в прихожей — большой лабрадор по кличке Рэм, туповатый, добрый, с вечно мокрым носом. Дима присел погладить его, и вдруг заметил: Рэм не спит. Он лежит с открытыми глазами, уши прижаты, и мелко дрожит всем телом. Хвост поджат — так бывает, когда собака боится грозы.

Но на улице было сухо.

Дима проследил за взглядом пса. Рэм смотрел в коридор. В тот конец, где была комната Ники.

— Дурак ты, — тихо сказал Дима и погладил его за ухом. Рэм чуть слышно заскулил.

— —

Ночью Диму разбудил звук. Не громкий — скорее влажный, рвущийся. Он сел на кровати и прислушался.

Квартира молчала. Отец храпел за стенкой, мать иногда всхлипывала во сне — у неё такая привычка. Но кроме этого — ничего. Дима уже хотел лечь обратно, когда услышал это снова.

Тихий, протяжный стон. И следом — шипение.

Кошка

Он встал и босиком пошёл по коридору. Дверь в Никину комнату была приоткрыта — он точно помнил, что она закрывала её перед сном. Дима заглянул внутрь.

Лунный свет падал на кровать. Ника сидела на полу, скрестив ноги, в одной ночной рубашке. Перед ней, зажата между колен, дрожала рыжая Майя. Ника держала кошку за загривок, а второй рукой медленно, методично выдирала клочья шерсти.

Майя не царапалась. Не пыталась убежать. Она тихо, на грани слышимости, выла.

Из пасти кошки шла тонкая струйка слюны.

На полу уже лежал аккуратный комочек рыжей шерсти. Ника отщипывала новый клочок, клала на колени, сгребала в кучу. Её лицо было совершенно спокойным. Отрепанным. Как у медсестры, которая перевязывает рану.

— Ника, — голос Димы прозвучал хрипло. — Ты что делаешь?

Она не обернулась. Но перестала выдирать шерсть. Рука замерла.

— У кошки линька, — сказала она без всякой интонации. — Я помогаю ей.

— Она воет.

— Кошки всегда воют, когда им больно. Ты не знал?

Дима шагнул внутрь комнаты. Ника отпустила кошку. Майя сорвалась с места, как выпущенная пружина, и пулей вылетела в коридор. Дима слышал, как она пронеслась на кухню, что-то там опрокинула и затихла где-то под шкафом. Следующие три дня кошку никто не увидит.

— Ложись спать, Дима, — сказала Ника.

Она поднялась с пола, стряхнула шерсть с колен, легла в постель и повернулась лицом к стене.

Дима постоял ещё минуту. Хотел сказать что-то отцу, но представил его лицо: «Не выдумывай, у девочек переходный возраст». Вместо этого он закрыл дверь и вернулся к себе. Уже в кровати он понял, что Ника называет его полным именем. Раньше она звала его Димон. Или Димыч. Или «эй, балда». «Дима» звучало холодно.

Он не спал до трёх.

— —

Утром началось странное.

Мать проснулась от того, что Рэм не встретил её у двери. Пёс всегда был первым — тыкался мокрым носом в ладонь, требовал выгула. Сегодня он сидел в углу прихожей, свернувшись в тугой клубок, и не смотрел на хозяйку.

— Рэм, гулять? — позвала мать ласково.

Пёс зарычал

Не громко. Не агрессивно. Так рычат щенки, когда пытаются быть страшными — но в этом рыке не было угрозы. Был страх. Чистый, животный ужас, от которого лабрадор наложил прямо под себя.

Мать застыла. Рэм никогда так не делал.

— Господи, что с тобой? — она осторожно протянула руку. Пёс отшатнулся и ударился задом о стену. Из пасти потекла пена — немного, но достаточно, чтобы мать испугалась. — Саша! Саша, проснись! С собакой что-то!

Отец вышел в трусах и майке, злой, невыспавшийся. Посмотрел на Рэма, на лужу, тяжело вздохнул.

— Бешенство? — предположил он, хотя понимал, что пёс привит. — Или глисты. Позвони ветеринару.

— Он на Нику рычал вчера, — тихо сказала мать. — Ты не заметил?

— Все рычат. Собаки есть собаки.

Отец взял поводок, щёлкнул — Рэм не подошёл. Пришлось тащить силой. Пёс упирался, скулил, а когда проходил мимо Никиной комнаты — закрытой на этот раз — то вжал голову в плечи и буквально полз по полу.

Ника вышла к завтраку ровно в девять. В чистых джинсах, с расчёсанными волосами. Мать поставила перед ней кашу. Ника взяла ложку, поднесла ко рту, замерла.

В комнату вошёл отец с Рэмом.

Пёс остановился на пороге кухни. Посмотрел на Нику. И завыл.

То, что он издал, нельзя было назвать лаем или скулежом. Это был долгий, низкий, дрожащий звук — такой воют волки на погибель или собаки, когда хозяин умирает. Рэм был в упор на тринадцатилетнюю девочку, и его жёлтые глаза были полны слёз.

— Заткнись! — рявкнул отец и дёрнул поводок.

Рэм заскулил, упал на бок и закрыл морду лапами.

Ника положила ложку. Встала. Подошла к псу — он забился под стул, дрожа всем телом. Она наклонилась, и Дима сжал кулаки, готовясь к худшему. Но Ника просто провела рукой по собачьей голове — мягко, даже нежно.

— Тише, — сказала она. — Я тебя не трону. Ещё.

Отец не расслышал последнего слова. Дима — расслышал.

Пёс перестал выть, но не поднял головы. Он лежал и смотрел на Нику снизу вверх с таким выражением, с каким смотрят на палача.

— Собаку надо к ветеринару, — твёрдо сказал Дима. — И кошку.

— Кошек не вакцинируют от глупости, — отмахнулся отец. — Ешь давай.

После завтрака Ника ушла в свою комнату, закрылась и включила музыку — громко, на полную мощность. Это было так непохоже на прежнюю Нику, которая слушала только попсу в наушниках, что мать даже обрадовалась: «Смотри, оживает».

Дима не обрадовался.

Он зашёл в ванную и нашёл на полу пучок рыжей шерсти, выданный ночью. Кто-то смыл его в унитаз, но не весь — несколько волосков прилипли к краю раковины. Дима поднял один. С ним был кусочек кожи.

Кошку драли с мясом.

Он сунул шерсть в карман и пошёл к отцу. Отец сидел в гостиной, листал новости в телефоне.

— Пап, нам серьёзно надо поговорить.

— О чём?

— О Нике. Она вчера выдирала шерсть у кошки. Живую. Кошка выла.

Отец поднял глаза. Долго смотрел на сына. Потом устало потёр переносицу.

— Дима, я понимаю, ты старший брат и переживаешь. Но у девочки сейчас такой возраст, что она может лепить себе чёрные ногти, рисовать андеграунд и ненавидеть весь мир. Это пройдёт. Ты в её возрасте тоже был не подарок.

— Я не выдирал шерсть у животных.

— Потому что у нас не было кошки. Дай ей время. Не накручивай.

Отец отвернулся к экрану. Дима постоял с минуту, потом вышел в коридор. Там, в полумраке, стояла Ника — босиком, в той самой майке с котёнком. Она не подслушивала. Она просто ждала.

— Ну что? — спросила она. — Сказал ему?

Голос был ровным. Спокойным. Но в нём было что-то такое, от чего Дима забыл, как дышать.

— Он не слушает, — сказал он.

— Я знаю.

Ника улыбнулась.

— Никто никогда не слушает, пока не поздно.

Она развернулась и пошла в свою комнату. За её спиной из-под серванта выскользнула кошка — худая, с проплешинами на боку, с горящими жёлтыми глазами. Майя смотрела на Диму. Шипела уже беззвучно — только воздух выходил из лёгких со свистом.

Дима перевёл взгляд на дверь сестры.

Сквозь музыку, сквозь закрытую дверь он услышал, как она напевает колыбельную. Ту самую, которую мать пела им обоим, когда они были маленькими.

«Спи, моя радость, усни...»

Дима отошёл к окну. Во дворе гремели детские качели. Соседские мальчишки гоняли мяч. Мир был обычным, тёплым, июльским.

А у него на затылке волосы встали дыбом.

Конец второй главы.

Глава 3. Тишина

На четвёртый день Ника перестала разговаривать.

Это случилось утром. Мать спросила: «Что тебе на завтрак?» Ника посмотрела на неё три секунды, взяла яблоко, ушла на балкон и закрыла за собой дверь. Больше она не сказала ни слова.

Не «да», не «нет», не «отстань». Даже когда отец наорал про интернет и забрал телефон — она молча положила его на стол и ушла. Без истерики, без слёз, без хлопков дверью. Просто выключилась. Как лампочка.

Дима сначала подумал, что она играет. Вдруг объявит голодовку или что-то в этом роде — показать характер. Но к обеду стало понятно: это не игра. Ника сидела на кухне, перебирала крупу — высыпала гречку на стол и отделяла чёрные зёрна от коричневых, по одному. Работа длилась три часа. Когда мать попыталась помочь, Ника убрала её руку — мягко, но твёрдо — и продолжила.

— Она аутистка, что ли? — спросил отец вполголоса, когда Дима проходил мимо.

— Она просто молчит, — ответил Дима.

— Скажи ей, чтобы немедленно начала говорить. Это неуважение.

Дима не стал ничего передавать. Он встал в дверях комнаты Ники и долго смотрел, как она сортирует крупу. Её пальцы двигались быстро, без единой ошибки — чёрное зерно в левую кучку, коричневое в правую. Откуда-то из подсознания пришла мысль: так считают мёртвых.

— —

К вечеру случилось то, что мать запомнила на всю жизнь, хотя тогда не придавала этому значения.

Ника сидела в ванной. Дверь была открыта — она больше не закрывалась после того, как отец наорал про «замкнутость». Ника сидела на краю и смотрела, как набирается вода. Мать проходила мимо и обернулась: дочь опустила руку в воду и держала её там неподвижно, пока кожа не пошла белыми пятнами.

— Не надо слишком горячую, — сказала мать.

Ника подняла голову и уставилась на неё в упор. В этом взгляде не было ничего — ни гнева, ни боли, ни обиды. Абсолютная пустота. Как у куклы с выпавшими глазами.

Мать поёжилась и ушла на кухню. Там она достала бутылку красного.

— —

Через два дня Дима нашёл дневник.

Это был старый потрёпанный блокнот в клетку — Ника получила его в четвёртом классе за победу в конкурсе рисунков. Раньше она писала там глупости: «Сегодня Дима дал пощёчину, я его ненавижу», «Маша из 6»Б» сказала, что у меня прыщ, я больше не пойду в школу», «хочу собаку». Детский сад.

Сейчас дневник лежал под её матрасом. Дима не хотел лезть в чужое, но когда услышал из комнаты странный звук — ритмичный, хлюпающий — и заглянул, то увидел, что Ника спит. А блокнот торчит на три сантиметра.

Он вытащил его, отошёл к окну, открыл.

Первые страницы были старые — детский почерк, каракули. Потом идёт лагерь. Ровный, неестественно аккуратный почерк. Строчки без единой пометки.

День первый. Здесь пахнет хвоей. Вожатый Андрей сказал, что мы будем играть в «Тишину». Тот, кто нарушит — проиграл. Я не нарушу.

День третий. У нас был обряд. Нужно смотреть в зеркало ровно час. Я видела дверь, которой на самом деле нет. Андрей сказал, что это хорошо. Значит, я могу открыть её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.